

Внешняя политика Петра I в оценках российских консерваторов XIX в.

Е.В. Линькова

Российский университет дружбы народов

В настоящей статье автор обращается к реконструкции и анализу воззрений российских консерваторов на то международное положение, которое занимала Россия при Петре I, а также на те изменения в курсе внешней политики, которые были инициированы императором и получили своё развитие в дальнейшем. Отмечается, что внешнеполитический курс Петра I, его военные победы и успехи на дипломатическом поприще вызывали интерес со стороны консервативных общественно-политических деятелей. Именно консерваторы XIX в.: Н.М. Карамзин, Ф.И. Тютчев, М.П. Погодин, С.С. Татищев, В.И. Ламанский и др. обратились к изучению международного положения России в конце XVII – начале XVIII в., дифференцировали основные черты петровской дипломатии, предприняли попытку сравнить внешнеполитические методы и принципы Петра I и его потомков. Примечательно, что отечественные консерваторы, порой критикуя императора за слом исторической традиции и копирование Запада, за усиление социокультурного раскола в обществе, между тем высоко оценивали внешнеполитический вектор политики императора, объясняя военные победы не только полководческими талантами Петра I, но и национально ориентированным курсом, стремлением защитить коренные геополитические и стратегические интересы России. Личность и внешнеполитическая деятельность Петра I явилась своего рода призмой, сквозь которую консервативные мыслители проанализировали характер внешней политики в эпоху «дворцовых переворотов», Екатерины II, Александра I и Николая I. В то время, как Пётр I «в сношениях с иностранными державами... руководствовался исключительно сознанием наших народных польз и нужд, строго оберегая при этом честь и достоинство государя и государства», наследники императора всё более отказывались от национальных интересов в угоду общеевропейским. Осознание данного факта вызывало беспокойство и отрицательно оценивалось консерваторами на всём протяжении XIX столетия. Исследование эпистолярного наследия российских консерваторов даёт возможность определить основную направленность дискуссий мыслителей и государственных деятелей о Петре I как о дипломате, так и о направлениях внешнеполитического курса, получивших развитие в эпоху его правления.

Ключевые слова: консерватизм, внешняя политика, Пётр I, Россия – Запад, Восточный вопрос, общественная мысль

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 10.12.2021 г.

Принята к публикации: 12.02.2022 г.

Личность и масштаб государственной деятельности Петра Великого привлекал неизменный интерес отечественных мыслителей и государственных деятелей. В петровской эпохе они пытались найти те опорные точки, которые predetermined вектор развития России и усиление её международного положения. Известно, что петровское наследие и его влияние на ход российской истории стали фактором оживлённой общественной полемики, дискуссий на исторические и историософские темы, развернувшихся в XIX в. Отношение к петровской модернизации явилось своего рода лакмусовой бумажкой, позволявшей дифференцировать идейную направленность того или иного представителя общественной мысли России. Однако данное утверждение представляется наиболее справедливым для внутренней политики Петра I, в то время как оценки внешнеполитического курса императора не отличались противоречивостью и крайностью позиций. Целью настоящей публикации является как выявление данных оценок, так и анализ воззрений, представленных в трудах деятелей консервативного направления.

Полемика о внешней политике Петра I в консервативном дискурсе России до настоящего времени не являлась предметом специальных исследований. Однако данный сюжет упоминался в работах тех историков, которые занимались анализом представлений консерваторов о личности и государственной деятельности императора (Павленко 2003; Хевролина 1999; Арсланов, Линькова 2018).

Представляется, что данная проблема требует дополнительного анализа и изучения, т.к. позволяет расширить рамки научных исследований как о консервативной идеологии в целом, так и о политике Петра Великого, вызывавшей резонанс в русском общественном сознании.

При подготовке настоящей публикации автор опирался на обширную источниковую базу, представленную в основном материалами личного происхождения – письмами, мемуарами, полемическими статьями, опубликованными в периодических изданиях, специальных сборниках и собраниях сочинений. Помимо опубликованных источников были привлечены архивные документы, позволившие наиболее репрезентативно продемонстрировать всю полноту и специфику воззрений консервативных авторов на характер внешнеполитического курса и дипломатию Петра I.

Среди основных методов и подходов, которые способствовали выявлению и анализу основных оценок консерваторов, можно выделить общенаучные принципы научной объективности и историзма, а также сравнительный и социокультурный методы, системный подход. Дифференцировать элементы консервативного дискурса в отношении петровского наследия, а также сопоставить точки зрения мыслителей в отдельные периоды развития отечественного консерватизма, проследить за трансформацией оценок и суждений в зависимости от изменения внешнеполитической ситуации помог сравнительный метод. Системный подход предполагает определение отдельных элементов консервативного дискурса. В настоящем исследовании в рамках данного подхода ре-

конструировались и изучались идеи консерваторов, в частности, в отношении международного курса Петра I.

В целом, благодаря применяемым методам было составлено представление об основных аспектах внешнеполитических представлений консервативных мыслителей, выявлены оценки, которые были присущи для консервативного дискурса как на всём протяжении XIX в., так и те элементы, которые являлись своего рода реакцией на текущие события. Представляется, что привлечённая источниковая база, а также методологические основания, позволили констатировать особую роль, которую сыграла петровская эпоха как в развитии российской общественно-политической мысли, так и отдельных её направлений.

Эпоха Петра I и развитие консервативной мысли России

С именем российского императора была связана не только первая попытка модернизации страны, но и изменение её положения на международной арене. Данные перемены нашли своё отражение в политических дискуссиях XIX в., развернувшихся на почве полемики о путях развития России и её взаимоотношениях со странами Запада. Царствование Петра I явилось переломным моментом как в плане выработки курса внешней политики, так и стимулировало генезис и эволюцию общественной мысли России. Становление консервативного и либерального дискурса происходило в условиях социокультурной трансформации русского дворянства, начатой Петром I и продолженной во второй половине XVIII вв. Петром III и Екатериной II. Вестернизация, но при этом сохранение экономики, основанной на крепостничестве, традиции и новаторство в управлении страной, – все эти аспекты оказывали воздействие на сознание дворянства, на изменение его социального статуса и установок. В данных условиях дихотомии внутренних процессов и тенденций происходило формирование основных направлений общественной мысли, в том числе консерватизма, зародившегося как ответ на распространение идей либерализма, которые явились популярными в просвещённый век Екатерины II.

Важно отметить, что речь идёт не только об историософских или общественно-политических, но и внешнеполитических построениях консерваторов. В период петровского и екатерининского царствования Россия уверенно заявляла о себе на мировой арене, выходила на новые рубежи, присоединяла обширные территории. В этой связи неслучайным является тот факт, что начало эпохи активной и продуктивной внешней политики, направленной на защиту национальных интересов и учитывающей потребности экономического развития страны, отечественные консерваторы связывали именно с именами Петра I и Екатерины II. Поэтому, анализируя характер и особенности становления геополитических установок России, мыслители обращались, прежде всего, к петровскому времени.

Наконец, само появление консерватизма в общественном сознании России также было связано с эпохой Петра I. Как уже было отмечено выше, благодаря европеизации в России получили распространение западноевропейские идеи. Это стало возможно в том числе благодаря тем иностранцам, практика приглашения которых относилась именно к петровскому периоду, а впоследствии была продолжена его потомками. Иностранцы на русской службе оказали существенное влияние как на внутреннее развитие страны, так и на культуру и образование, привнеся в российскую духовную традицию элементы западного мышления, в том числе консервативного.

Таким образом, петровская эпоха явилась тем этапом в развитии истории идей в России, который активизировал общественное сознание, дал почву для дискуссий, спровоцировал полемику о соотношении русского и западноевропейского начал.

Консерваторы о дипломатических методах Петра I и изменении положения России на международной арене в первой четверти XVIII в.

В наследии консерваторов в основном преобладали критические отзывы о внутренней политике Петра I, чьё царствование олицетворялось с разрушением национальных традиций и порой искусственным насаждением и копированием европейских элементов. Однако стоит обратить внимание на то, что подобные отзывы касались в основном тех реформ, которые затронули внутреннюю жизнь России, положение дворянства, привнесли существенные изменения в сферу культуры и духовности. Напротив, размышляя о внешнеполитическом курсе Петра I, консервативные мыслители никогда не отказывали императору в осознании и следовании национальным интересам страны и особенно отмечали его таланты на военном и дипломатическом поприще.

Одним из первых консервативных мыслителей, который обратился к петровскому наследию во внешней политике России, являлся Н.М. Карамзин. Концентрируя своё внимание на внутривнутриполитических переменах, произошедших по воле Петра Великого, историк не обошёл вниманием и внешнеполитический курс страны, а также трансформацию того положения, которое Россия занимала в мире. Н.М. Карамзин подчёркивал, что именно с Петра I началось сближение России с Западом, была преодолена многолетняя дипломатическая изоляция государства, произошёл выход на новые рубежи, обусловленные вековым геополитическим устремлениями. При этом тесные контакты с Европой влекли за собой и распространение идей, которые, по мысли консерваторов, несли определённую угрозу государственности и православию, пагубно влияли на молодёжь. Так, например, Ф.В. Ростопчин с очевидным сожалением писал о презрении к религии и моде на материалистическое мировоззрение среди молодых людей (Ростопчин 2014: 170). Данные тенденции, полагал консервативный деятель, были привнесены на русскую почву из стран Запада и явно противоречили русской духовной традиции.

Хотя, как полагали некоторые консервативные авторы, Пётр I и сам порой осознавал отрицательные аспекты некоторых европейских идей и тенденций. В частности, С.Н. Глинка приводил в пример высказывание царя-реформатора о французах: «Всякий согласится, что разврат, которым Французские лжеумствователи заразили все состояния Французского народа, весьма споспешествовал к мятежу Французскому. Пётр Первый, находясь в Париже и видя буйное своеволие тамошних жителей, сказал: Если бы я был Королём Французским, то бы выжег половину Парижа!»¹. Более того, С.Н. Глинка отмечал, что несмотря на то, что Пётр I «желал сблизить Россию с соседственными Европейскими областями», но выступал против распространения французского языка, считая его «непригодным»² для русских.

Суждение о политике Петра Великого, направленной на сближение с Западом, поддерживали и консерваторы 1830-1870-х гг. Например, Ф.И. Тютчев признавал, что российский император буквально заставил страны Западной Европы принять факт существования России как равной силы, как центра Восточной Европы, как геополитическую величину. Мыслитель и дипломат подчёркивал, что в начале XVIII в. «...Европа Карла Великого очутилась лицом к лицу с Европой Петра Великого» (Тютчев 1976: 16). Повествуя об истории российской государственности, славянофил А.С. Хомяков отмечал, что «...с Петром начинается новая эпоха. Россия сходится с Западом, который до того времени был совершенно чужд ей» (Хомяков 1994: 467).

Таким образом, внешнеполитическое наследие Петра I связано, согласно оценкам консерваторов, с выходом из международной изоляции, с достойным заявлением о себе на мировой арене, с провозглашением собственных геополитических интересов. Данные аспекты вызывали лишь положительные отзывы со стороны консервативных мыслителей, призывавших российских императоров не забывать принципов петровского курса.

Следующий аспект, нашедший отражение в воззрениях консервативных деятелей, это приёмы дипломатии Петра I. С.С. Татищева можно назвать одним из первых историков, который детально проанализировал методы Петра I по ведению переговоров, способы позиционирования страны в международном пространстве, принципы поведения послов, утвердившиеся в петровскую эпоху. С.С. Татищеву была свойственна мысль о том, что дипломатический корпус оказывал существенное влияние не сколько на курс страны, столько на восприятие государства на мировой арене, что само по себе является довольно значимым аспектом в практике дипломатических контактов.

Историк критиковал Петра I и введённые им порядки, подчёркивая, что ещё «в московский период нашей истории отличительные черты русского государственного строя, своеобразие и обособленность, всецело отразились на нашей

¹ *Русский вестник*. 1815. Книжка 10. С. 16-17.

² *Русский вестник*. 1815. Книжка 10. С. 55.

дипломатии. В сношениях с иностранными державами она руководствовалась исключительно сознанием наших народных польз и нужд, строго оберегая при этом честь и достоинство государя и государства» (Татищев 2017: 3). По его мнению, подобная особенность была характерна для России в период воссоединения земель и создания единого государства, «при зарождении могущества», поэтому такая политика и позволила в итоге позиционировать себя как полноправного участника международных отношений. Русские дипломаты этой эпохи выступали с очевидным достоинством и тем самым внушали уважение к своей стране, делавшей первые шаги на мировой арене и не располагавшей ни сильными союзниками, ни современной армией.

Обращаясь к допетровскому времени, С.С. Татищев находил примеры поведения дипломатов, достойные восхищения и подражания. Так, в частности, Михаил Плещеев, «отправленный к турецкому султану великим князем Иваном III, вопреки обычаю, которому подчинялись все представители Запада, правил поклон падишаху стоя, а не на коленях, и, по выражению Карамзина, “своею гордостью удивил двор Баязетов”. Так было и два столетия спустя накануне Петровских преобразований» (Татищев 2017: 5). Подобная тактика дипломатов оценивалась С.С. Татищевым как продуктивная и создающая правильный образ России на международной арене. Более того, в интерпретации историка, именно такой стиль ведения переговоров представлял собой некий идеал, к которому Россия, однако, уже не стремилась, начав свое движение в сторону Запада. При этом С.С. Татищев оценивал деятельность первого российского императора скорее положительно, он подчёркивал национальную ориентированность курса и умение отстаивать свои интересы на международной арене: «политика его была величественная, как он сам и как Россия» (Татищев 2017: 7). Именно при Петре I начался заметный приток иностранных подданных на русскую службу, однако император тщательно следил, чтобы их действия были целиком сопряжены с интересами России. «При таких условиях, немногие иностранцы, состоявшие при великом императоре в нашей дипломатической службе не могли влиять на тот ход и направление русской внешней политики, а напротив служили ей покорными и часто полезными орудиями. (Брюс, Остерман, голландский еврей Шафиров)» (Татищев 2017: 7). Таким образом, лишь сильный государственный деятель, осознающий национальные задачи своей страны, мог использовать опыт иностранцев во благо. По мнению С.С. Татищева, данная особенность петровского царствования и наблюдалась в дипломатии первой четверти XVIII в., а позднее была утрачена. Вместе с тем другой представитель консервативного направления – В.И. Ламанский – именно с Петром I связывал смену принципов внешней политики России (Ламанский 2010: 482). И если С.С. Татищев полагал, что император всё же продолжил предшествующую традицию дипломатии, то В.И. Ламанский доказывал обратное, видя в деятельности Петра I разрыв с предшествующей эпохой.

Ситуация изменилась после смерти Петра I, когда началось время засилья иностранцев не только на дипломатическом поприще, но и во власти в целом.

Правда, в годы правления Елизаветы Петровны на государственных постах, в том числе в сфере дипломатии, всё же преобладали русские, но затем наступили «шестимесячные сумерки правления Петра III». И лишь Екатерина II сумела возродить петровские традиции, вот почему С.С. Татищев называл вторую половину XVIII в. «радостным рассветом Екатерининского царствования» (Татищев 2017: 8), а В.И. Ламанский указывал на то, что успехи России были непосредственно связаны с тем, что императрица окружила себя «блестящей плеядой даровитых русских государственных людей» (Ламанский 2010: 483). Собственно, этим свойством – правильно подбирать своё окружение и кадры – отличался и Пётр Великий. Неслучайно дипломатия как Петра I, так и Екатерины II (а императрица позиционировалась консерваторами как настоящая преемница петровского наследия) представлялась едва ли не самой продуктивной в истории России. Причём особое одобрение вызывали шаги Екатерины II, направленные на решение Восточного вопроса. Причиной внешнеполитических успехов данного периода назывались как смелость в принятии решений, так и независимость суждений, в частности, от западных партнёров.

Консервативные историки доказывали, что в отличие от императоров XIX в., харизматичные правители XVIII столетия ставили перед собой цели, связанные с реализацией геополитических задач страны. В современной действительности консерваторы не наблюдали столь необходимых качеств ни у Александра I, ни у Николая I, ни у их царственных потомков, заботящихся, главным образом, о том, чтобы соблюсти общеевропейские договоренности и «понравиться» странам Запада. С большой долей критики о политике императоров первой половины XIX в. писал историк М.П. Погодин, с сожалением отмечая, что «Пётр основал владычество России на Востоке. Екатерина утвердила, Александр распространил, а Николай предал его Западу» (Погодин 2011: 265). Бесконечная оглядка на европейские правительства, зависимость от мнения коллективного Запада (зачастую объединявшегося для противостояния России), свойственная Александру I и Николаю I, провоцировала критику со стороны консервативных мыслителей (Линькова 2014). Поэтому принципы, свойственные для петровского или екатерининского курса, в основе которых лежало «сознательное преобладание нужд и пользы России над всеми прочими политическими соображениями и строгое охранение нашей государственной чести и достоинства» (Татищев 2017: 12), не могли не вызывать одобрение у консерваторов.

В качестве примера С.С. Татищев приводил курс Николая I и канцлера К.В. Нессельроде, в результате следования которому петербургский кабинет не воспользовался благоприятной для России ситуацией и не решил давно назревший Восточный вопрос ещё в 1830-е гг. Причин тому было несколько, но как одну из ключевых историк выделял следующую: начиная с 1833 г. все значимые дипломатические посты как в МИД, так и в отдельных посольствах, занимали выходцы из Прибалтики или русские, но родственники канцлера. Это приводило к тому, что, как резюмировал С.С. Татищев, «...наша дипломатия Никола-

евской эпохи была чужда русской народности и связанных с нею понятий и верований. В среде её совершенно естественно не оставалось и тени преданий не только московского посольского приказа, но и преемственной политики Петра Великого и Великой Екатерины» (Татищев 2017: 56). Главной же целью внешнеполитического курса Николая I стало «искупление грехов этих двух славных царствований» (Татищев 2017: 56), в то время как Пётр I, по меткому выражению историка М.П. Погодина, заставил уважать Россию, поместив её «в число европейских государств» (Погодин 2011: 703).

Можно отчасти согласиться с С.С. Татищевым, ведь, как справедливо подмечал публицист, сотрудниками МИД, представлявшими страну на международной арене, порой были люди, «незнакомые с историей России, чуждые русской жизни, не разумевшие даже русского языка, они с пренебрежением относились ко всему родному, для них недоступному и непонятному, и с подобострастием взирали на западно-европейскую культуру, силясь приобщиться ее благам, хотя бы ценою полного отречения от основных начал русской государственной жизни» (Татищев 2017: 56). Историк полагал, что именно в первой половине XIX в. сформировался тот новый тип российского дипломата, который существенно отличался от петровского или екатерининского своей нерешительностью, неспособностью принимать решения во благо страны.

Некоторое возвращение к идеалам петровской дипломатии усматривал К.Н. Леонтьев, давая оценку внешнеполитическому курсу, намеченному Александром III в самом начале его царствования. Философ и дипломат отмечал, что благодаря начавшейся «эмансипации мысли» (в результате манифеста от 29 апреля 1881 г.), Россия вернулась на путь «организации и созидания», решила «едва ли ни в первый раз со времён Петра Великого... быть самобытной...» (Восток, Россия и славянство... 1885: 283), а это означает, что и во внешней политике К.Н. Леонтьев ожидал подобного же крутого поворота.

Итак, петровская традиция дипломатии довольно позитивно воспринималась в консервативных кругах России XIX в. При существовании некоторых критических замечаний из-за практики приглашения на русскую службу большого числа иностранцев консерваторы в целом положительно отзывались о внешнеполитическом векторе, выбранном Петром I, о стремлении императора следовать национальным интересам без оглядки на страны Западной Европы. Занимаясь европеизацией страны, Пётр Великий сумел сохранить курс, ориентированный на решение собственных геополитических задач, сложившихся в предшествующую эпоху.

Основные направления внешней политики Петра I в оценках консерваторов

В консервативном дискурсе XIX в. нашли своё отражение и конкретные шаги Петра I на международной арене. Так, в работах историка М.П. Погодина

содержится подробный анализ внешнеполитической деятельности императора, исследуются характер, причины, ход войн и отдельных сражений, в которых Россия принимала участие в конце XVII – первой четверти XVIII в.

М.П. Погодин отмечал явную преемственность курса молодого Петра тем внешнеполитическим аспектам, которые имели место при его предшественниках: Алексее Михайловиче и царевне Софье. «Неудержимая внутренняя сила повлекла пылкого юношу сначала по голицынскому следу при живом воспоминании о недавних неудавшихся походах на юг под Азов» (Погодин 2011: 321–322). Историк называл данный период «решительной порой» как в жизни царя, так и России: «Юг и север как будто тогда открывались пред нашим Петром: какую сторону выберет он поприщем своей деятельности» (Погодин 2011: 321). Свой выбор Пётр I сделал в пользу европейского направления, что было продиктовано желанием модернизировать и «объевропить» (Погодин 2011: 321) Россию. Кроме того, на Балтике сложились довольно благоприятные условия для того, чтобы начать решение вопроса о выходе к незамерзающему морю и активной внешней торговле. Во главе шведского королевства встал молодой Карл XII, «от которого не было причин ожидать какого-нибудь сильного сопротивления» (Погодин 2011: 321). К тому же именно на рубеже XVII–XVIII вв. у России появились союзники, которые могли оказать решительную помощь в борьбе со шведами: Дания и Речь Посполитая имели «личные...виды на Швецию» (Погодин 2011: 321).

Северная война, однако, оказалась не столь лёгкой, как ожидалось в её начале, Пётр I «двадцать лет... боролся с шведским рыцарем, то есть почти всю свою жизнь (1700–1721), хотя ещё в середине этого времени одержал Полтавскую победу (1709) и положил краеугольный свой камень в основание нового европейского города Петербурга (1703), которым началось политическое тяготение наше к Западу...» (Погодин 2011: 321).

По мнению М.П. Погодина, в данном движении к Европе был и ещё один важный аспект: именно в союзе с западными правителями Пётр предполагал разрушить Османскую империю. Восточный вопрос, хоть и отошедший на второй план с началом Северной войны, не был забыт царём. С данной международной проблемой для России было связано и обретение выхода к Чёрному морю, и реализация своей мессианской роли защитницы христианских народов на Балканах и на Ближнем Востоке. М.П. Погодин напоминал, что «христианские... обитатели» турецких провинций «часто обращались к нему (Петру I, *авт.*) с молениями избавить их от мусульманского ига и предлагали ему своё подданство» (Погодин 2011: 322). И хоть в правление императора решения Восточного вопроса и освобождения христиан не произошло, но проблема взаимоотношений с Портой прочно вошла во внешнеполитическую повестку России. Схожую мысль высказывал и В.И. Ламанский, отмечавший, что «с появлением на северо-востоке колоссальной фигуры Петра Великого» начало «понемного подниматься» славянское движение (Ламанский 2010: 280). Однако деятельность Петра на

данном направлении вполне закономерно не только не встретила сочувствия и поддержки со стороны европейских дворов, а напротив, «возбуждала сильное подозрение и опасения» (Ламанский 2010: 280). Именно с петровского времени, по мысли В.И. Ламанского, началось расширение присутствия России на Балканах, укрепление её положения в славянском мире. Это было связано с тем, что христианские народы не только Османской империи, но и Австрии увидели в российском императоре «не просто великого человека или государя, а великого царя славянского, домина императора, Василевса христианского, главу новой Восточной империи, вождя греко-славянского мира, чаявшего свободы и новой политической, местной и общей, союзной организации» (Ламанский 2010: 281). С проблемой османского наследия был связан и другой вопрос, ставший довольно острым уже при потомках Петра I – вопрос о присоединении Прикаспия и Закавказья.

М.П. Погодин отмечал, что внешнеполитическая деятельность Петра I вообще отличалась разновекторностью при кажущейся концентрации на балтийском регионе и в целом на Европе. «Пётр думал об Индии, и о Китае, и о Персии, и об острове Мадагаскар. Недавно ещё найден его указ брать мальчиков для обучения японскому языку!» (Ламанский 2010: 378) Таким образом, историк показывал, что Россия, простирающаяся в Европе и Азии, имела обширные внешнеполитические контакты и интересы, которые осознавал в том числе и Пётр I. А модернизация страны в духе вестернизации призвана была способствовать не только расширению контактов с западным миром и преодолению технического и военного отставания, но и росту влияния и присутствия России на Востоке.

Общий вывод, который был сделан М.П. Погодиным о внешней политике Петра I содержит если не апологетические, то весьма позитивные оценки. В очерке «Петр Первый и органическое национальное развитие» историк высказывал мысль о том, что внешнеполитический курс, выбранный на рубеже XVII–XVIII вв. буквально спас Россию, т.к. «в конце XVII столетия внешние отношения России к соседним государствам, Польше, Швеции и Турции, сделались слишком страшными, так что жизнь её, политическое существование подвергались опасности. Если незадолго до Петра Польша думала овладеть Россией и имела уже в своих руках Москву, если шведы мечтали взять себе Новгород и шведский принц готовился быть Русским Государем...» (Погодин 2011: 709). Консервативные идейные установки М.П. Погодина не помешали ему констатировать, что Пётр I очень «вовремя» появился на русском престоле и несмотря на то, что «каша», которую он «заварил» была «крута и солоната», но «по крайней мере есть что хлебать, есть с чего сыту быть, а попадись Карл XII на какого-нибудь Фёдора или Ивана Алексеевича, так пришлось бы, может быть, детушкам надолго и зубы положить на полку» (Погодин 2011: 709). Основная заслуга Петра I, по мнению М.П. Погодина, заключалась в том, что он остановил угрозу с Запада, сохранил и приумножил территории России, дав новые импульсы к её геополитическим устремлениям. Критике петровской модернизации историк

противопоставлял тезис о том, что благодаря активной и национально ориентированной внешней политике Петра I Россия не только превратилась в устроенное на европейский лад государство, но и на полях сражений в ходе Северной войны смогла спасти свою «древнюю» традицию (Погодин 2011: 710), решить те задачи, которые были поставлены ещё Иваном IV в ходе Ливонской войны.

Консерваторы о соотношении внешней и внутренней политики в эпоху Петра I

Немаловажным аспектом в исследовании внешнеполитического курса Петра I, на который обращали внимание отечественные консерваторы, является анализ военных реформ начала XVIII в. Как справедливо отмечал М.П. Погодин, без преобразований армии и обновления вооружений вряд ли можно было себе представить столь активную и, главное, результативную внешнюю политику. Причём речь идёт не только о курсе самого императора, но и его потомков. «Решусь сказать даже вот что, – писал историк, – если бы не было прежде Петра, мог ли бы Александр бороться с Наполеоном?» (Погодин 2011: 710). Модернизация военной сферы России, предпринятая императором, стала залогом побед в войнах XVIII в., способствовала выходу не только на берега Балтийского, но и Чёрного морей.

Наконец, в работах консерваторов можно обнаружить ещё одну проблему, поднимаемую в связи с изучением истории внешней политики России, в том числе петровского периода. Консервативные мыслители обращались к вопросу о соотношении внешней и внутренней политики в истории российского государства. Данный аспект, хоть и порой завуалированно, но всё же присутствовал в консервативном дискурсе, особенно второй половины XIX в.

Петровская модернизация традиционно вызывала полемику в российской общественной и исторической мысли, в том числе из-за противоречивых оценок последствий преобразований начала XVIII в. для народа. Вопрос о цене активной внешней политики для внутреннего состояния государства поднимался не только в связи с петровским правлением, он не утратил свою актуальность ни в XIX в., ни в современную нам эпоху. О взаимовлиянии внутренней и внешней политики писал и М.П. Погодин, размышляя о результатах Северной войны не только в международном контексте, но и во внутриполитическом. В 1873 г. К.Н. Леонтьев настаивал на том, внешняя политика государства должна коррелироваться с внутренней и более того, «внешняя политика державы определяется неизбежно внутренним устройством её политического организма» (Восток, Россия и славянство... 1885: 10). Т.е. потребности экономики, общественные чаяния, возможности страны определяют действия на мировой арене. Эта мысль стала релевантной для отечественных консерваторов особенно после Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., но в то же время внешняя политика более раннего периода, например, в царствование Петра I, провоцировала начало подобных

дискуссий. С данным вопросом была связана и проблема выработки прагматичного внешнеполитического курса. Можно отметить, что во второй половине XIX в. внешнеполитический консервативный дискурс становился всё более реалистичным, лишался многих идеологем и иллюзий предшествующего периода. Это происходило и вследствие Крымской войны 1853-1856 гг., и Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., и в результате явной трансформации славянского вопроса. В итоге решение геополитических задач, предложенное консерваторами, всё более перемещалось в рациональную плоскость. В этой связи в эпохе Петра Великого они находили те элементы рационализма, которые впоследствии были частично утрачены при Александре I и Николае I, что в свою очередь привело Россию к увлечению общеевропейскими проектами взамен реализации коренных геополитических интересов и задач.

* * *

Представляется справедливым отметить, что эпоха Петра I явилась для российских консерваторов тем важным этапом, который способствовал началу дискуссии по внешнеполитическим проблемам, причём в самых разных ракурсах. Мыслители признавали, что именно в первой четверти XVIII в. были заложены те векторы внешней политики России и поставлены те задачи, которые получили своё развитие и были реализованы на протяжении XVIII–XIX столетий. Причём Пётр I, будучи, по меткому выражению А.С. Пушкина «одновременно Робеспьером и Наполеоном» (Пушкин 1958: 146) на престоле, в своём внешнеполитическом курсе всё же умело сочетал традицию и «революцию», а новшества в методах и принципах его дипломатии переплетались с решением тех задач, которые были определены ещё Иваном III, Иваном IV и первыми Романовыми: Михаилом Фёдоровичем и Алексеем Михайловичем. Курс на собирание и колонизацию земель и их освоение, на выход к незамерзающим морям, на развитие внешней торговли и связей с Европой, на защиту христианского населения, – все эти аспекты были одинаково важны для России и в конце XV в., и в начале XVIII в. А сохранение внешнеполитического наследия Петра I отечественные консерваторы считали одной из главных задач его потомков.

Об авторе:

Елена Валентиновна Линькова – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов. 117198. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 2.
E-mail: linkova_ev@pfur.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: December 10, 2021
Accepted: February 12, 2022

Peter The Great's Foreign Policy in the Assessments of Russian Conservatives of the 19th Century

E.V. Linkova
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-37-50](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-37-50)

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Abstract: The article reconstructs the views of Russian conservatives on the Russia's international position and foreign policy under Peter I. His military victories, and successes in diplomatic field made him popular among conservatives of the 19th century: N. Karamzin, F. Tutchev, M. Pogodin, S. Tatishchev, V. Lamansky, etc. In their studies they focused on Russia's international posture in the late 17th– early 18th century, comparing the main features of Peter's diplomacy with his those of his descendants. The conservatives, while criticizing the emperor for undermining the tradition, imitating the West, and widening the socio-cultural rift in the society, highly appraised Peter's foreign policy. They attributed the success to the foreign policy strategy based on national interests. This strategy and Peter's personality fared better compared to the times of «palace coups», and personalities of Catherine II, Alexander I, and Nicholas I. Peter I «in his relations with foreign powers...was guided solely by the consciousness of our national benefits and needs, while strictly protecting the honor and dignity of the sovereign and the state». The conservatives criticized the emperor's 19th century heirs for what they saw as abandonment of national interests in favor of pan-European ones.

Keywords: conservatism, foreign policy, Peter I, Russia and West, the Eastern question, public thought

About the author:

Elena V. Linkova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). 10, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia. E-mail: linkova_ev@pfur.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interest.

References:

Arslanov R.A., Lin'kova E.V. 2018. *Strany Zapada i ih vneshnjaja politika v vosprijatii rossijskih konservatorov i liberalov XIX veka* [Western Countries and their Foreign Policy in the Perception of Russian Conservatives and Liberals of the 19th Century]. Moscow: RUDN. 251 p. (In Russian).

Hrevolina V.M. 1999. *Vlast' i obshchestvo. Bor'ba v Rossii po voprosam vneshnej politiki. 1878-1894 gg.* [Power and Society. The Struggle in Russia on Foreign Policy Issues. 1878-1894]. Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN. 315 p. (In Russian).

Khomyakov A.S. 1994. *O Starom i novom* [About the Old and the New]. Vol. 1. Moscow: Moscow Philosophical Foundation publishing house "Medium". (In Russian).

Lamansky V.I. 2010. *Geopolitika panslavizma* [The Geopolitics of Pan-Slavism]. Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russian).

Lin'kova E.V. 2014. Vneshnepoliticheskij kurs Nikolaja I v ocenkah otechestvennyh konservatorov pervoj poloviny XIX v. [The Foreign Policy Course of Nicholas I in the Assessments of Domestic Conservatives of the First Half of the 19th Century]. *RUDN Journal of Russian History*. № 1. P. 17-24. (In Russian).

Pavlenko N.I. Mihail Pogodin (Mikhail Pogodin). Moscow: Pamjatniki istoricheskoy mysli, 2003. 359 p. (In Russian).

Pogodin M.P. 2011. *Vechnoe nachalo. Russkij duh* [The Eternal Beginning. The Russian Spirit]. Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russian).

Pushkin A.S. 1958. *Sobranie sochinenij v 10 t.* [Collected Works in 10 vols]. Vol. 8. On the nobility. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences. (In Russian).

Rostopchin F.V. 2014. *Mysli vsluh na krasnom kryl'ce* [Thoughts Aloud on the Red Porch]. Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russian).

Tatishchev S.S. 2017. *Russkaya diplomatiya, staraya i novaya. Evropa nakanune Vostochnoj vojny 1853-1856 godov* [Russian Diplomacy, Old and New. Europe on the Eve of the Eastern War of 1853-1856]. Polemical articles about diplomacy. Moscow: LENAND. (In Russian).

Tyutchev F.I. 1976. *Politicheskie stat'i* [Political Articles]. Paris: Ymca-press.

Vostok, Rossiya i slavyanstvo [The East, Russia and the Slavs]. 1885. Collection of articles by K. Leontiev. Vol. 1. Moscow: Типо-Литография of Kucheren and Co. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Арсланов Р.А., Линькова Е.В. 2018. *Страны Запада и их внешняя политика в восприятии российских консерваторов и либералов XIX века*. Москва: Изд-во РУДН. 251 с.

Восток, Россия и славянство. Сборник статей К. Леонтьева. 1885. Т.1. Москва: Типо-Литография Кушерева и Ко.

Ламанский В.И. 2010. *Геополитика панславизма*. Москва: Институт русской цивилизации.

Линькова Е.В. 2014. Внешнеполитический курс Николая I в оценках отечественных консерваторов первой половины XIX в. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. №1. С. 17-24.

Павленко Н.И. 2003. Михаил Погодин. Москва: Памятники исторической мысли. 359 с.

Погодин М.П. 2011. *Вечное начало*. Русский дух. Москва: Институт русской цивилизации.

Пушкин А.С. 1958. *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 8. О дворянстве. Москва: Изд-во Академии наук.

Ростопчин Ф.В. 2014. *Мысли вслух на красном крыльце*. Москва: Институт русской цивилизации.

Татищев С.С. 2017. *Русская дипломатия, старая и новая. Европа накануне Восточной войны 1853-1856 годов*. Polemicheskie stat'ii o diplomatii. Москва: ЛЕНАНД.

Тютчев Ф.И. 1976. *Политические статьи*. Париж: Имка-пресс. С. 16.

Хевролина В.М. 1999. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878-1894 гг. Москва: Институт российской истории РАН. 315 с.

Хомяков А.С. 1994. *O Starom i novom*. Сочинения в двух томах. Том 1. Москва: Московский философский фонд издательство «Медиум».